

Раздел II. Цивилизационные контуры России в XXI веке

UDC 304.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-121-130

Н.Б. АФАНАСОВ

ШОК РЕТРО-БУДУЩЕГО И РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

***Аннотация:** Будущее как предмет социальной науки имеет неоднозначное определение. Классическая социология, как правило, не обращается к глобальному прогнозированию, ссылаясь на невозможность методологически исследовать этот предмет. В свою очередь социально-философская футурология, используя весь доступный инструментарий наук о духе, исследует будущее, стремится дать ответ на вопрос, как оно будет выглядеть. В статье автор предлагает ретроспективный взгляд на понятие «шока будущего», введённого Элвином Тоффлером. Целью исследования является демонстрация не только того, что мышление о будущем возможно, но и того, что именно делает его успешным.*

На материале предсказаний и прогнозов Тоффлера автор показывает, что большинство из них сбылись, поскольку учитывали социальную динамику, а не акцентировали своё внимание на научно-технической стороне вопроса. Тем не менее, в настоящий момент дискуссия о будущем осложнена тем, что проходит в понятиях прошлого мышления о будущем, захвачена ностальгией. Автор делает вывод, что понимание природы ностальгии и методологических особенностей мышления о будущем способны направить дискуссию в более продуктивное русло. Отмечая, что Россия, подобно другим странам, также испытала ретро-футушок, автор показывает, что понимание тупика ностальгии, как варианта будущего, может быть использовано при разработке российского проекта цивилизационного развития.

Афанасов Николай Борисович – младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (Москва). E-mail: n.afanasov@gmail.com.

Abstract: *the Future as a subject of social science has an ambiguous definition. Classical sociology, as a rule, does not address global forecasting, referring to the impossibility of methodologically investigating this subject. In turn, socio-philosophical futurology, using all available tools of the spirit Sciences, explores the future, seeks to answer the question of how it will look. In the article, the author offers a retrospective view of the concept of “future shock”, introduced by Alvin Toffler. The purpose of the study is to demonstrate not only that thinking about the future is possible, but also what exactly makes it successful.*

Based on the material of Toffler’s predictions and forecasts, the author shows that most of them came true, since they took into account social dynamics, and did not focus their attention on the scientific and technical side of the issue. However, at the moment the discussion about the future is complicated by the fact that it takes place in terms of past thinking about the future, and is filled with nostalgia. The author concludes that understanding the nature of nostalgia and methodological features of thinking about the future can direct the discussion in a more productive direction. Noting that Russia, like other countries, has also experienced a (retro-)future shock, the author shows that understanding the impasse of nostalgia as a variant of the future can be used in the development of the Russian project of civilizational development.

Ключевые слова: *социальная философия, социально-философская футурология, будущее, российский проект цивилизационного развития, ностальгия, Тоффлер, философия культуры, “шок будущего”.*

Keywords: *social philosophy, social-philosophical anthropology, future, Russian project of civilizational development, nostalgia, Toffler, philosophy of culture, “future shock”.*

Предисловие. В 1970 г. вышла книга американского социолога, социального теоретика и журналиста Элвина Тоффлера «Шок будущего» [17], которая подвела черту под озабоченностью будущим для целого поколения и заложила основы мышления о глобальных перспективах нашего мира. Работа получила культовый статус не только в среде интеллектуалов, но и стала настольной книгой для многих политиков и общественных деятелей [15]. В те годы учёные, как никогда ранее, пытались понять, куда приведут человечество стремительные и глобальные трансформации социального, экономического и технологического устройства мира. Эта фраза может вызвать улыбку у исследователя, да и просто у искушённого обывателя в начале XXI века: озабоченность переменами стала общим местом в социальной мысли. Мы уже привыкли к тому, что все говорят о коренных трансформациях социума, да и похоже думаем, что к самим переменам нам удалось успешно адаптироваться. В конце концов, апока-

липиса, которым так часто пугали читателей во второй половине XX века, не произошло. Но это не значит, что будущее не наступило.

Чтение предсказаний прошлого о будущем подчас представляет собой достаточно бессмысленное занятие, по крайней мере для социологов. Современный британский социолог Джон Урри считает, что социальные науки, как правило, не занимаются будущим, и отдали это на откуп футурологии, которая не является социальной наукой в строгом смысле слова [13]. Урри связывает это невнимание к предмету со стороны социологии с провалом прогностической составляющей социальной философии Маркса и Энгельса, научный прогноз которых о планомерном движении истории к коммунизму, как известно, не сбывся [11]. Границы футурологии как суб-дисциплины достаточно размыты, поскольку она не имеет собственного методологического инструментария [10], но кому, если не социальному философу мыслить о будущем?

Философское понятие будущего является сложным конструктом, проводящим границы между существующими смыслами и теми, которых ещё нет в действительности. Смысл будущего для человека, обеспокоенного социальным, в том, чтобы, во-первых, суметь понять, какие тенденции в настоящем станут доминирующими через несколько лет. Это то, к чему призывает социальных исследователей Элвин Тоффлер: лучше понять само настоящее [12]. А, во-вторых, понимание перспектив развития может уберечь от потерь и ошибок. Этот смысл аналитики будущего для социальной теории также можно обнаружить и у Тоффлера. Мы, соответственно, можем предпринять попытку ретроспективно взглянуть на предсказания будущего. Чтобы не пытаться охватить слишком большой предмет рассмотрения, в рамках настоящей статьи я возьму в качестве примера российский цивилизационный проект, поместив его в контекст сбывшегося будущего второй половины XX века и самого начала XXI века. В своём размышлении я попробую дать ответ на вопрос о том, почему шок будущего для России обернулся «ретро-шоком».

Ретро-шок будущего. Несмотря на неоднозначность понятия «шок будущего», следует найти для него внятное и исчерпывающее определение. Тоффлер полагал, что «... мы можем определить шок будущего как страдание, физическое и психологическое, возникающее от перегрузок, которые физически испытывают адаптивные системы человеческого организма, а психологически — системы, отвечающие за принятие решений. Проще говоря, шок будущего есть реакция человека на запредельное нервное раздражение» [12, 132]. Если обратиться к генезису понятия, то сам футурошок является парафразом понятия «культурный шок», что, на наш взгляд, замечательно описывает положение дел. Новое будущее — это но-

вая культура, которая порождена социальными изменениями. Шок возникает от перегрузки, когда психические способности индивида оказываются неспособными успешно встроить его в поток изменений.

Собственно, многие из нас, замечают ли они того или нет, сталкиваются с подобным весьма часто, пытаясь укрыться от мира будущего, который уже стал настоящим. В предисловии к русскому изданию «Шока будущего», которое носит замечательное название «Бог поразительных преобразений» П.С. Гуревич даёт литературную характеристику трансформаций, которые постигли российское общество в 1990-е гг.: «Вы просыпаетесь утром и обнаруживаете, что мир, который долгие годы воспринимался как фон вашей жизни, переменился. Всё, к чему вы привыкли, становится совсем иным. Причём в рекордные сроки, буквально ежесекундно» [5, 3]. Шок будущего коснулся постсоветской реальности гораздо сильнее, чем это было во многих странах. В силу того, что динамика, присущая самому научно-техническому прогрессу и экспансии капитализма, была помножена на различие в жизненных практиках и культуре позднесоветского общества.

Соответственно, первым этапом «шока» становится именно «шок будущего». На эмпирическом материале ускоренной и насильственной модернизации российской культуры мы ясно видим, что тяга к переменам лежит в основе происходящего. Многие в этой культуре жаждало динамики и успешно вестернизировалось. Как правило, большинство проблем в этих процессах исследователи приписывают неравномерному развитию экономики, в т.ч. её отставанию [8]. Но для нашего рассмотрения важно другое – культура и общество, которые на протяжении десятилетий выстраивали альтернативное будущее, оказались втянутыми в вариант динамичного капиталистического будущего.

Следует отметить, что футурология 70-х гг. XX века может давать весьма точные предсказания в отношении того, как будут развиваться события. Перечисляя наиболее важные инновации в области трансформаций потребления, Элвин Тоффлер указывает на наступление эпохи «одноразовых вещей» [12, 152]. На самом деле этот феномен важен для понимания современности. Экономика и капитализм лежат в основе её актуальной итерации и большинства явлений, формируя капиталистический универсум [6]. Соответственно, имеет смысл рассматривать трансформации потребления как социальные характеристики. Одноразовые вещи ускоряют темпоральность, поскольку упраздняют психологическую привязанность субъекта к вещам. Их слишком просто заменить. Отношения к одноразовым вещам распространяются и на отношения людей, их жизненные стратегии [12, 64-65].

Экономическая диверсификация на деле сопровождается медиа-стандартизацией, которая приводит к тому, что современная диалектика свободы и несвободы необычайно сложна. Это значит, что безграничный выбор психологических впечатлений, к которым современный человек не испытывает сильной привязанности, создаёт переизбыток возможностей. Свобода выбора состоит в выборе между одинаковыми вещами при их кажущемся многообразии, что приводит индивида в состояние фрустрации [12, 315]. Результатом всего происходящего становится неспособность человека совладать с шоком будущего, которая приводит к девиантному и асоциальному поведению, к уходу в субкультуры или просто «уходу в себя». Вероятно, все эти процессы были характерны для российской культуры в последние три десятилетия. Не сильно они отличались и на Западе. Похоже, что «социология» Тоффлера верно схватила последствия «шока будущего» в первом аспекте социального познания – в понимании будущего через настоящее и динамику происходящих процессов.

Из этого можно сделать вывод, что не всякая футурология имеет дело с утопиями. Если её инструментарий и теоретические посылки вызывают доверие, то, возможно, она может сказать человеку нечто о нём самом и его будущем. Стратегия Тоффлера о принятии важности перспективы настоящего для анализа самого будущего доказала свою эффективность. Мы же можем попытаться предпринять, вслед за Тоффлером, ещё одну попытку взглянуть на предполагаемое будущее цивилизации, в которое России придётся как-то встраиваться. По меньшей мере, у нас нет оснований полагать, что модернизирующая глобализация обойдёт стороной государства периферийного капитализма [14, 163]. В культуре эти процессы протекают достаточно быстро.

Шоком ретро-будущего станет невероятная правота мыслителей прошлого. В мире, где культура и капитализм построены на бесконечном обновлении и динамике, желательно экспоненциально ускоряющейся, слова и увещевания прошлого выглядят ненужным анахронизмом, но их правота обескураживает. Таким образом, не просто мысль прошлого о будущем, экстраполирующая актуальные тенденции, но и мысль прошлого о будущем, предполагающая новизну, может и должна становиться предметом изучения, что позволит лучше понять будущее российского общества и других стран. Кроме того, шок ретро-будущего позволит понять явление, которое, казалось бы, не вписывается в событийную последовательность происходящего – ностальгию, всё более пронизывающую современную культуру, что, на наш взгляд, применимо и к российскому цивилизационному проекту.

Всепроникающая ностальгия. Говоря о том, что современность слишком недружелюбна для человека, Элвин Тоффлер называл несколько сценариев выхода из ситуации, в т.ч. эскапизм и всепоглощающую ностальгию. Последняя особенно важна для нас, поскольку имеет особое значение в контексте анализа будущего российского цивилизационного проекта.

Понятие «ностальгия» уже вошло в научный оборот: «В XX веке тоска по прошлому становится определяющей метафорой, описывающей смысл ностальгии, что означало переход от её *пространственной* дислокации к *временной*. Современное понятие ностальгии используется в обоих смыслах: как персональная утрата идеализированного прошлого и тяга к нему, так и в качестве интеллектуального эмоционального конструкта, искажающего публичную версию определённого исторического периода или определённой социальной формации прошлого» [1, 9].

Но, если понятие «ностальгия» и используется для анализа социальной реальности, то стать предметом социально-философской футурологии ей ещё только предстоит. Полагаем, что философские интерпретации ностальгии могут послужить для неё пищей. Если отталкиваться от прогнозов Тоффлера, то ностальгию следует считать формой эскапизма для индивида/потребителя и спасения для общества/производителя. Для первого она становится возможностью почувствовать себя «дома», потребить нечто привычное или кажущееся таковым. Для второго — избежать кризиса идей и поисков бесконечной новизны, которую требует капиталистическая логика.

В свою очередь, ностальгическое потребление вписывается в тренд психологического или эмоционального восприятия капитализма. Ностальгия «продаёт» в первую очередь ощущение и эмоцию, а не вещь. В начале нашего рассуждения было акцентировано внимание на мысли Тоффлера о наступлении эпохи одноразовых вещей и утрате чувства привязанности к ним. Судя по всему, дело обстоит действительно так, и ностальгия является одним из способов психологической защиты человека позднего капитализма, или человека «будущего», позволяя ему сохранять стабильность в мировосприятии и поддерживать у него иллюзию владения собой, своим прошлым и настоящим.

Некоторые социологические исследования напрямую обращаются к анализу ностальгического потребления в постсоветской России и приходят к выводам о необычайной важности ностальгической компоненты в ряде категорий товаров. Более того, о значении ностальгии говорит и тот факт, что не только старшая возрастная группа ориентирована на потребление этих товаров: «Какова аудитория <...> ностальгических продуктов? Очевидна ориентация производителей на тех, кто приобретал их ранее. Помимо этого, наблюдается любопытный феномен: ностальгические то-

вары – как “аутентичное” ретро и продукты с традицией производства, так и “имитации”, – интересуют молодых людей, в силу возраста не заставших существования блока социалистических стран» [9, 123]. В силу своей социальной природы ностальгия восходит к динамике трансформаций современности. Скорость изменений в России после распада СССР была выше, чем в большинстве западных стран. Соответственно, следует ожидать, что и феномен ностальгии в ней будет гораздо более значимым.

Таким образом, размышление о будущем в контексте российского цивилизационного проекта приобретает ретро-характер. Судя по всему, ностальгия будет занимать в нём значимое пространство. Делая набросок перспективных исследований этой области, перечислим то, к чему мог бы обратиться социальный философ: ностальгия в политике, в массовой культуре, в практиках потребления. Характер будущих дискуссий о политике, культуре и экономике в значительной степени будет определяться не реальным видением прошлого и будущего, а идеализированными, *ностальгическими* представлениями о них. Именно так, повсеместность ностальгии влияет и на образы будущего. Приведём пример того, где наиболее ярко видна ностальгия, связанная с культурной травмой: полёт Юрия Алексеевича Гагарина в космос 12 апреля 1961 года. Для носителя русской культуры это событие выступает не только исторической точкой отсчёта, но и началом ностальгии по утраченному (идеализированному) прошлому и будущему и, возможно, по проекту будущего.

Важно, что подобное присутствие ностальгии в культуре беспрецедентно и заставляет усомниться в реальных возможностях продуктивного развития. Это значит, что, как правило, новое, в т.ч. и модернизационные проекты, рождалось из осознания реальности и необходимости перемен. Оно упраздняло историческое. Но может ли само мышление в ностальгических категориях стать продуктивным для проектов цивилизационного развития? Пожалуй, здесь мы подходим к грани будущего, с которой не сталкивались ранее, что говорит о прекращении действенности социально-философской футурологии, которая позволяла тому же Тоффлеру верно и весьма точно прогнозировать социальные трансформации. Но то, что должно стать осознанной тенденцией, так это само наличие ностальгической компоненты в размышлениях о будущем. Возможно, это один из тех паттернов мышления, который предвещает рождение нового. Впрочем, нам не следует забывать о его капиталистическом генезисе.

Я уже писал о том, что ностальгия особенно важна именно для понимания российского контекста цивилизационного будущего. Светлана Бойм, американский антрополог, которая родилась в Ленинграде и позже переехала в США, в этой связи пишет: «Ностальгия – это не локальная

российская болезнь, противостоящая глобальным процессам, а феномен мировой культуры; история ностальгии тесно связана с историей прогресса и Нового времени» [2]. В качестве такового феномена ностальгия и будет развиваться и оказывать влияние на культуру современности. Вслед за Светланой Бойм, мы можем говорить о «будущем ностальгии». Для социальной философии это открывает важную проблему осознания тупика мышления о будущем, невозможности помыслить нечто реально новое, не прибегая к ностальгии [16, 79].

Заключение. Легитимация представлений о будущем может выстраиваться в виде двух стратегий. Во-первых, понимание завершения прогрессивных тенденций, которые мы видим в настоящем, даёт нам более глубокое представление о самом настоящем. Во-вторых, всё это позволяет надеяться на понимание будущего.

Социальная философия фиксирует важность представлений о прошлом для понимания будущего, но фантазии и самые смелые прогнозы о нём могут влиять на настоящее настолько существенно, что, в конечном итоге, изменит само будущее. Вероятно, именно такой подход способен превратить социально-философскую футурологию в продуктивную дисциплину. Однако не следует увлекаться прогнозированием конкретных изменений. К примеру, Элвин Тоффлер полагал, что аквакультуры будут играть заметную роль в обеспечении планеты пищей. Этого не произошло, как не произошло и многого другого, что предсказывали мыслители прошлого, и что из перспективы сегодняшнего дня выглядит наивной фантастикой. К примеру, британский социолог Джон Урри в своей книге «Как выглядит будущее» [13] весьма осторожен в своих прогнозах. Стараясь придерживаться конкретики, он всё же отмечает, что разные сценарии могут как реализоваться, так и остаться лишь сценариями.

Большой прогностической силой обладает социальная теория. Возможности техники и научно-технического прогресса велики, и, вероятно, в пределе своего развития превосходят способности человеческого социума к адаптации и изменению, но мы не должны забывать, что именно *социальные* потребности человека делают технические новшества востребованными. Будущее, это в гораздо большей степени социальный, а не научно-технический феномен [4, 59-66]. Соответственно, такие прогнозы сбываются чаще, приспособливая возможности техники к потребностям людей. В числе базовых проектов, которые определили недавнее прошлое, продолжают определять настоящее и будут определять будущее, следует назвать капитализм, глобализацию и пластичность человеческой культуры. Именно черты этих областей будут влиять на мировое будущее, несмотря на частные случаи реализации разных сценариев в разных культурах.

Шок будущего, как невозможность адаптироваться к социальным трансформациям, сменяется шоком ретро-будущего для социальной мысли, т.е. осознанием того, что само по себе будущее зависит от представлений о прошлом гораздо больше, чем от научно-технического прогресса или экономического роста. Всё это уже имеется в нашем прошлом и, причём достаточно давно. Утопическое мышление не выдерживает критики, если говорить о социально-философской футурологии. Соответственно, философии общества следует обратиться к тому, что уже есть «здесь-и-сейчас», что определяло и продолжает определять социальную реальность.

Наиболее характерным элементом восприятия будущего российской цивилизации является ностальгия. Вызванная отчасти капиталистической динамикой и глобализацией, она накладывает свой отпечаток на культуру. На наш взгляд, для того чтобы построить цивилизационный проект будущего России, но не ретро-будущего, необходимо в первую очередь преодолеть ностальгию. В зависимости от того, возможно ли это и в какой мере, будет определяться перспектива развития. С нашей точки зрения, внутри ностальгической культуры отсутствуют инструменты для подобного шага, но вполне вероятно, что кризис капитализма будет способен открыть новые возможности, при условии, что ими кто-то захочет воспользоваться [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.Н.* Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 5-23.
2. *Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3 (89).
3. *Бойм С.* Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 680 с.
4. *Вайсман Дж.* Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 304 с.
5. *Гуревич П.С.* Бог поразительных преобразений // *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 3-20.
6. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 808 с.
7. *Дююю Ж.П.* Малая метафизика цунами. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 168 с.
8. *Канарш Г.Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 304 с.
9. *Кусимова Т.Б., Шмидт М.А.* Ностальгическое потребление: социологический анализ // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 120-131.
10. *Николаи Ф., Тесля А., Афанасов Н. Х* Международная конференция «Способы мысли, пути говорения» Школы философии НИУ ВШЭ (НИУ ВШЭ, Москва, 22-23 апреля 2019 года) // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 5(159). – С. 424-442.
11. *Павлов А.В.* Будущее как предмет социальной теории // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 328-344.
12. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.
13. *Урри Дж.* Как выглядит будущее? – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.

14. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. – М.: ИФ РАН, 2002. – 208 с.
15. Blaser K. Apocalypse Now?: Social Change in Contemporary America // *American Studies*. – 1996(2). – P. 117-130.
16. Therborn G. *From Marxism to Postmarxism*. – London: Verso, 2008. – 208 p.
17. Toffler, A. *Future Shock*. – New York: Bantam Books, 1970. – 502 p.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.